

**ОБ ОДНОМ ИЗ АСПЕКТОВ
НАПОЛЕОНОВСКОГО МИФА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Стаття присвячена одному з важливих аспектів наполеонівського міфу російської літератури – усвідомленню його надлюдиною в естетиці символізму. Відзначається, що суттєву роль у встановленні «іншої» природи Наполеона мали висловлення Гете щодо його особистості та діянь.

Ключові слова: міф, міфологізація, культурні конотації, міфологізований культурний простір.

Статья посвящена одному из важнейших аспектов наполеоновского мифа русской литературы – осознанию его сверхчеловеком в эстетике символизма. Отмечается, что существенную роль в выявлении «иной» природы Наполеона играли высказывания Гёте относительно его личности и деяний.

Ключевые слова: миф, мифологизация, культурные коннотации, мифологизированное культурное пространство.

The article deals with one of the important aspects of Napoleonic myth in Russian literature – knowing him like an overman in the symbolism aesthetics.

Key words: myth, mythologize, cultural connotations, mythologized cultural space.

В русской литературе образ Наполеона занимает особое место. Думается, уже с первых попыток художественных воплощений начался процесс его мифологизации, который шел различными путями. В эпоху русского символизма этот образ приобрел новое звучание, но анализ его функционирования обнаруживает интересную особенность. Русские символисты ощущали его связь с И.-В. Гёте, причем свои интерпретации как бы освящали его авторитетом. Образ самого немецкого мыслителя при этом также был мифологизирован как «старшими», так и «младшими» символистами. Как справедливо отмечает И.С. Приходько, интерес к «вечным спутникам», обнаружившийся в их отборе уже у Д.С. Мережковского, во многом предопределил «художественные и общекультурные интересы “младших” символистов» [1: 199]. Цель данной статьи состоит в том, чтобы осмыслить связь между образами Наполеона и Гёте в критике Д.С. Мережковского и Вяч. Иванова, и установить причины, по которым она возникла.

Под мифологизацией И.С. Приходько понимает «создание своего, индивидуально увиденного образа личности, как бы заново сконструированной и понятой» [1: 199]. Способы, позволяющие пересоздать такой образ, различны: интерпретация личности с помощью основных идей и мотивов ее творчества, через ее образы, «через абсолютизацию какой-то главной, проявленной во всем черты-идеи, через зрительные ассоциации, вызываемые обликом»; «через соотнесенность с мифологическими и литературными об-

разами», а также «через систему культурных коннотации и отношений между *великими* в мифологизированном же культурном пространстве» [1: 202]. Можно сказать, что такой образ Наполеона вступил в соотношение с мифологизированным образом Гёте в пространстве символистских текстов, произведений не только одного автора, но и всех, кто принадлежал этому течению.

Одна из линий соотношения – сверхчеловеческое. Она разрабатывается в эстетике Д.С. Мережковского, начиная с его «Вечных спутников» и завершая книгой «Наполеон», написанной им в эмиграции. В книге «Л. Толстой и Достоевский», особенно в 3-й части, «Религия», есть фрагмент, посвященный Наполеону. Он отдаленно связан с основным текстом книги, но представляет собой стройную «наполеоновскую» концепцию писателя, которая уточняется и углубляется в его последующих книгах. Всестороннее представление о том, как созданный им образ Наполеона взаимодействует с образом Гёте, дает статья Д.С. Мережковского о немецком писателе и черновые наброски к ней, опубликованные в современном издании [2]. Здесь как будто поясняется, почему в книге о Толстом и Достоевском возник фрагмент о Наполеоне. В черновых набросках писатель заметил: «Л.Толстой и Гёте. Почему нам, русским, урок этот особенно важен» [2: 339]. Можно только догадываться, что имел в виду писатель, поскольку этот тезис он не разворачивает: только намекает на различия между двумя гениями.

Следующие тезисы черновых записей развернуты в статье довольно подробно: «*Наполеон и Гёте*. I. 74 – 75. – Свидание в Эрфурте 1808 г. – «Вы человек вполне». Wiess 149. – «M<onsieur> Goethe, vous êtes un homme». Оба – дети солнца. Рыбака Узнали друг друга и обрадовались. Рыбак рыбака чует издалека. Они должны были встретиться. Они – из одного – из революции.

I – 227. – «Наполеон был кратким изображением мира».

II – 58. Наполеон был молодец: он находился постоянно в состоянии непрерывного просветления.

II – 260. – “Ein ganzer Kerl!”. 403. Мертвое тело Гёте: “передо мной лежал совершенный человек”. – 331. – “Наполеон был кажется *демоническое* существо? – Вполне. В такой высокой степени, что с ним нельзя сравнить никого другого... В моей натуре демонического нет, но я ему подчинен» [2: 341]. Эти цитаты выписаны Д.С. Мережковским из книги, являвшейся первым переводом «Разговоров Гёте с Эккерманом», изданных порусски. Перевод был сделан Д.В. Аверкиевым [3], и можно сказать, что это была главная книга русского символизма в его интересе к Гёте, именно этим переводом символисты пользовались в случае, если обращались к «Разговорам». Скажем, К. Бальмонт, работая над статьей «Избранник земли», из нее почерпнул описание тела поэта после смерти [4: 515]. Изучение перевода несомненно требует еще усилий исследователей: Д.В. Аверкиев передал немецкий текст средствами родного языка неточно, но так, что символисты уловили в словах Гёте больше, чем в них было на самом деле.

В статье Д.С. Мережковского «Гёте» тезисы черновых записей разворачиваются. Писатель отмечает, что во всей внешности старого поэта проявлялась его иная природа: «Да, сверхчеловеческое – в этой вечной юности» [2: 311], – пишет он. По этой линии проводится сопоставление с Наполеоном. Д.С. Мережковский цитирует слова Гёте: «”Наполеон был молодец (ein Kerl); он находился в состоянии непрерывного просветле-

ния”. – “Он – сокращение мира”. – “Он – существо демоническое” (опять в особенном, гётевском, древнем смысле, от *däimon* – бог), – демоническое в такой высокой степени, что с ним нельзя сравнить никого”», и комментирует их: «Узнали друг друга, увидели: рыбак рыбака видит издалека. Встреча их не случайна; они должны были встретиться, – великое созерцание с великим действием. Близнецы неразлучные, дети одной землицы-матери: она породила их вместе одним усилием родов, великим землетрясением – Великой Революцией» [2: 313 – 314]. Таким образом, Наполеон – сверхчеловек и великий «двойник» Гёте не только потому, что таким видит его Д.С. Мережковский, определяя для него особое место в пантеоне «вечных спутников» человечества, но и потому, что так думает гений Гёте.

Еще один вариант мифологизации образа Наполеона обнаруживаем в творчестве «младшего» символиста, Вяч. Иванова. О том, как и за счет чего мифологизация осуществляется в его поэзии, верно и точно говорит Л.В. Павлова в статье «“Наполеоновский” комплекс образных парадигм в творчестве Вячеслава Иванова» [5 : 95 – 105]. Мы же обратим внимание на его статью «Гёте на рубеже двух столетий». Как и Д.С. Мережковский, автор статьи утверждает преемственность, которая существует между символизмом и наследием Гёте, пишет, что «принцип символизма, некогда утверждаемый Гёте, после долгих уклонов и блужданий, снова понимается нами в значении, которое придавал ему Гёте, и его поэтика оказывается, в общем, нашу поэтикою последних лет» [6 : 112]. Если для Д.С. Мережковского опыт Гёте и Наполеона оказывается нужным и важным для создания «нового религиозного сознания», то Вяч. Иванов осмысляет, прежде всего, поэтику произведений Гёте. Однако вопрос о том, как Гёте понимал зло, выводит автора статьи к имени Наполеона.

Вяч. Иванов пишет, что в природе немецкий мыслитель не видел источника зла: она содержит лишь вспышки «демонического», что проявляется и в человеке: «Оно сметает грани, нарушает строй и порядок космоса, и разрушает формы; но оно не зло. Демоничен, по определению Гёте, Наполеон, и демоничен Сейсмос, дух землетрясения, который во второй, “классической” Вальпургиевой ночи, когда Фауст, вернувшийся от Матерей, разыскивает Елену на шашке античных духов в долинах волшебной Фессалии» [6: 140]. Наполеон, таким образом, оказывается таким же стихийным явлением, как и «дух землетрясения». Это, в целом, соответствует представлениям о нем Д.С. Мережковского.

Еще одно сопоставление возникает в связи с темой «Наполеон и революция». Вяч. Иванов упоминает беседу Гёте с Наполеоном, которую выписывал из «Разговоров» Д.С. Мережковский, и комментирует интерес одного гения к другому так: «И не случайным кажется нам то, на первый взгляд столь парадоксальное, восхищение Наполеона чувствительным Вертером, которое нельзя же объяснять лишь дилетантизмом практического политика и воина, знаменитостью творения или чуткостью гения ко всему, что гениально. Наполеон, сын революции и ее завершитель, возил с собой книгу во всех походах, глубоко ее изучил и тонко понимал (доказательством чего служит записанный Гете разговор с императором в 1805 году) – не потому ли, что под оболочкой изображенной в романе сентиментальной психологии, под туманностями мировой скорби, таилась искра родного ему мятежного огня – семя подлинного духовного бунта, которому суждено было вспыхнуть мировым пожаром? Наполеон не должен был переживать сам того, что

пережил Вертер, чтобы понимать кровным родством своего антипода и, как ни странно это сказать, – предтечу» [6: 116]. Автор статьи полагал, что Гёте была предугадана судьба Наполеона, который не покончил с собой, как «неудачник» Вертер, а как Карл Моор, избавившись от мечтательства, стал разбойником «Буонапарте» [6: 116]. Наполеон, таким образом, увидел в Гёте мыслителя, способного предугадать новый тип европейской личности, сформированной под влиянием французской революции.

В исследованиях «старшего» символиста мифологизированный образ Наполеона как сверхчеловека и воплощенной революции взаимодействует в мифологизированном культурном пространстве с образом Гёте как сверхчеловеком. Такое понимание соответствует концепции Д.С. Мережковского, разрабатываемой на протяжении всего творческого пути писателя. Для Вяч. Иванова одинаково важны обе темы: демонизм Наполеона, ощущаемый Гёте, и его связь с революцией. Но взгляд на поэтику Гёте дал ему возможность взглянуть на образ Наполеона не с политической или религиозно-философской точки зрения, а эстетически, подчеркнув творческую интуицию Гёте, предугадавшую не только путь развития искусства, в т.ч. и русского, но и европейского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приходько И.С. «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) / Инна Степановна Приходько // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. – М.: Наследие, 1999. – С. 199 – 204.
2. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Дмитрий Сергеевич Мережковский [Изд. подг. Е.А. Андрущенко]. – М.: Наука, 2007. – 902 с. (Серия «Литературные памятники»).
3. Разговоры с Гёте, собранные Эккерманом [Пер. с нем. Д.В. Аверкиева]. – Ч. 1 – 2. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1891.
4. Бальмонт К. Избранник земли / Константин Бальмонт // К. Бальмонт. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. – М.: Правда, 1990. – С. 513 – 519.
5. Павлова Л.В. «Наполеоновский» комплекс образных парадигм в творчестве Вячеслава Иванова / Л.В. Павлова // 1812 год в истории России и русской культуры. Материалы Всероссийской научной конференции. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. – С. 95-105.
6. Иванов Вячеслав. Собр. соч.: в 4 тт. / Вячеслав Иванов. – Т. 4. – Брюссель, 1987. – С. 111-157.